

И. А. Мельчук

КУРС
ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

Том II

Igor Mel'čuk

COURS
de
MORPHOLOGIE GÉNÉRALE

Volume II

И. А. МЕЛЬЧУК

КУРС ОБЩЕЙ
МОРФОЛОГИИ
Том II

Часть вторая:

**Морфологические
значения**

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
В. А. ПЛУНГЯНА

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
Н. В. ПЕРЦОВА И Е. Н. САВВИНОЙ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Sonderband 38/2

Москва — Вена
1998

ББК 81
М 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16114

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института «Открытое общество» (OSI – Budapest),
Института «Открытое общество. Фонд развития» (Россия)

Мельчук И. А.

М 48 Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр. / Общ. редакция Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. — Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. — 544 с.

ISBN 5-7859-0051-3

«Курс общей морфологии» представляет собой КОМПЕНДИУМ современных знаний в области морфологии естественных языков. Объектом его является слово – во всех его смысловых, формальных и комбинаторных аспектах. Для описания свойств и поведения слов в языках Земли разработана дедуктивная система строгих понятий, охватывающих все области морфологии. Основанный как на собственных результатах 30-летних исследований автора, так и на доступных публикациях, «Курс» оказывается совершенно уникальным изданием: в лингвистической литературе не существует труда по морфологии такого охвата.

Второй том «Курса общей морфологии» посвящен исчислению, типологии и детальному описанию морфологических значений в языках мира.

Книга предназначена для лингвистов всех специальностей и может быть использована в качестве учебного пособия для студентов филологических вузов.

Фотография автора на вклейке выполнена J.-P. Martin для Collège de France (Paris, 1997).

ББК 81

The firm Kubon & Sagner (Heßstraße 39/41 Postfach 34 01 08 D-8000 München 34; fax: (089) 54-218-0; tel: (089) 54-218-218) has an exclusive right on selling this volume (and other volumes 2-4 of this book) outside Russia.

Эксклюзивным правом продажи за пределами России данного тома (а также последующих томов 2-4) обладает фирма Kubon & Sagner, München; тел. (089) 54-218-0, факс (089) 54-218-218.

© И. А. Мельчук, 1998

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

В соответствии с общим планом нашего изложения, в этой части книги мы должны исследовать значения, выражаемые в ПРЕДЕЛАХ словоформы, т. е. *морфологические значения*. Именно так мы и поступим, но с одной существенной оговоркой:

По причинам, изложенным выше (в конце § 4 Главы V Части первой [том I]: 5, с. 317), мы исключаем из рассмотрения лексические морфологические значения, так как последние являются в большей степени объектом семантики, нежели морфологии.

Таким образом, в данной части мы будем рассматривать только **ГРАММАТИЧЕСКИЕ** морфологические значения, не различая при этом морфологических значений в сильном смысле и морфологических значений в слабом смысле (там же, с. 312).

Более того, по соображениям полноты и последовательности изложения мы рассматриваем, наряду с грамматическими морфологическими значениями, также и те значения, которые являются грамматическими, но не морфологическими. Отсюда следует, что Часть вторая описывает, строго говоря, **ГРАММАТИЧЕСКИЕ** значения вообще, а не только морфологические значения в собственном смысле. Тем не менее мы предпочли назвать эту часть КОМ-а, быть может, менее точно, но зато более «симметрично» по отношению к прочим частям книги: «Морфологические значения» — «Морфологические средства» — «Морфологические синтактики» — «Морфологические знаки». Это представляется тем более оправданным, что в подавляющем большинстве случаев грамматические значения являются морфологическими.

Как было показано в Главе V Части первой, грамматические значения делятся, с одной стороны, на словоизменительные (включая сюда и квази-словоизменительные) и словообразовательные значения (§ 2 и § 3, с. 248 и 271), а, с другой стороны, на семантические и синтаксические значения (§ 4, 2, с. 308). Эти два деления пересекаются и образуют четыре основных класса грамматических значений, каждому из которых ниже будет посвящена отдельная глава:

- Глава I. Грамматические значения: предварительный обзор.
- Глава II. Семантические словоизменительные значения.
- Глава III. Синтаксические словоизменительные значения.
- Глава IV. Семантические словообразовательные значения.
- Глава V. Синтаксические словообразовательные значения.

Граница между словообразовательными и словоизменительными, а также между семантическими и синтаксическими значениями нередко оказывается зыбкой; в изобилии встречаются промежуточные случаи. Однако предложенное деление обязывает нас к однозначным классификационным решениям даже по отношению к сомнительным случаям. Такая ситуация типична для естественных языков, где абсолютно отчетливые разграничения имеют место далеко не всегда, тогда как в теоретических дискуссиях нам нужны именно такие разграничения. Тем не менее, мы не видим ничего порочного в таком несколько насильственном способе классификации, если при этом промежуточный характер соответствующих элементов отмечается явным образом.

ГЛАВА I

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Прежде всего мы хотели бы сосредоточить внимание на двух следующих проблемах: основные свойства интересующих нас значений и способы их описания. Затем будет предложена предварительная классификация грамматических значений.

1. Основные свойства грамматических значений

Следует указать три основных свойства грамматических значений (характерные в основном для словоизменительных, но также и для словообразовательных значений):

- абстрактность и размытость;
- «идиоматичность»;
- комплексность (= гетерогенность).

Данные свойства определяют наш подход к грамматическим значениям и поэтому заслуживают внимательного рассмотрения.

1. Абстрактность и размытость грамматических значений

По самой своей природе (см. § 1 Глава V, Часть первая, с. 241 и сл.), грамматические значения являются весьма абстрактными, а поэтому с трудом поддаются строгому семантическому описанию. Более того, одно грамматическое (в особенности, словоизменительное) значение обычно имеет несколько различных семантических интерпретаций; так, например, 'множественное число' английского существительного означает либо 'более одного' (*books* 'книги', *cities* 'города', ...), либо 'различные сорта ...' (*wines* 'вина', *metals* 'металлы', ...), и т. д. (См. также ниже, с. 8 и сл.)

Мы, однако, отнюдь не стремимся к точной передаче подлинного семантического содержания того или иного конкретного грамматического значения языка *ℒ*. Мы работаем с системными значимостями (*VALEURS SYSTEMIQUES*) грамматических единиц, т. е. со значениями, которые

определяются системой достаточно жестких оппозиций, представленных в парадигмах₁. Напомним, что в Главе V Части первой (§ 2, 5.2, с. 263) была обоснована необходимость двойного подхода к грамматическим значениям: с точки зрения их семантического представления они должны описываться как обычные семантические единицы — в соответствии с процедурами и правилами, выработанными для семантического уровня; в рамках же морфологического описания эти значения должны трактоваться как более или менее произвольные грамматические ярлыки, которые характеризуют соответствующие значения лишь в самом общем и приблизительном виде. Сущности типа ‘единственное число’, ‘множественное число’, ‘индикатив’, ‘имперфект’, ‘суперлатив’ и т. п. не являются, разумеется, смысловыми элементами: это лишь условные ярлыки, присвоенные пучкам (= дизъюнкциям) семантических представлений — по соображениям удобства описания.

Учитывая сказанное, мы тем не менее позволяем себе использовать грамматические ярлыки так, как если бы это были реальные семантические единицы. В частности, мы (не вполне законно) называем их «значениями» и даже «семами», заключаем их в семантические кавычки и т. п.

Таким образом, читатель не должен ожидать исчерпывающего семантического анализа граммем или дериватем: предмет настоящей книги — не семантика, а морфология. Мы ограничиваемся лишь «ядерными», «фундаментальными» элементами грамматического значения, т. е. работаем только с идеализированными приближениями, которые обозначаются условными ярлыками.

2. «Идиоматичность» грамматических значений

Известная проблема семантики состоит в том, что, как правило, значение ‘σ’ произвольной единицы языка *L* единственно в своем роде: даже в близкородственном языке обычно невозможно обнаружить единицу, значение которой в точности совпадало бы с ‘σ’. (Сказанное, конечно, не относится к квазитерминологическим выражениям, к «номенклатуре» языка *L*: к названиям естественных классов объектов и существ, к названиям артефактов и т. п.) Указанная трудность неимоверно возрастает, когда дело касается грамматических значений, поскольку эти последние воистину специфичны в каждом языке (именно это мы и подразумевали, говоря об их «идиоматичности» — ср. англ. *language-specific*). В качестве примера рассмотрим множественное число трех языков: французского, испанского и татарского.

Несколько упрощая реальное положение дел, можно сказать, что во французском языке множественное число соответствует трем основным смыслам:

1) множественность (\approx 'более одного': *Les patrouilles surgissaient partout* 'Повсюду появлялись патрули');

2) несколько сортов или разновидностей (*les vins de France* 'французские вина'; *les métaux précieux* 'драгоценные металлы');

3) большое количество, интенсивность, величественный характер — с дополнительным стилистическим эффектом (*les neiges de la montagne* 'горные снега'; *les sables du Sahara* 'пески Сахары').

Заметим также, что в общем случае множественное число во французском языке не употребляется в дистрибутивных контекстах, ср.: *Les enfants levèrent la tête* (**les têtes*), букв. 'Дети подняли голову', *Ils ont pris leur chapeau/leur journal* (**leurs chapeaux/*leurs journaux*), букв. 'Они взяли [каждый] свою шляпу/свою газету' [если у каждого была только одна шляпа/газета] или *Deux hommes se tenaient face à face, le pistolet à la main* (**les pistolets aux mains*), букв. 'Двое мужчин стояли лицом к лицу, с пистолетом в руке'.

В испанском языке множественное число выражает, наряду с теми же тремя смыслами, что и во французском языке, а именно:

1) множественность (*Las patrullas surgían por todas partes*);

2) несколько сортов или разновидностей (*los vinos* 'вина', *los metales* 'металлы', ...);

3) большое количество, интенсивность, величественный характер (*las nieves de la montaña; las arenas del Sahara*), —

также три дополнительных смысла, не имеющих соответствия во французском языке:

4) парность (*los padres*, букв. 'отцы' = 'родители' = 'отец и мать'; *los tíos*, букв. 'дядья' = 'дядя и тетка, его жена'; *los reyes*, букв. 'короли' = 'король и королева, его супруга');

5) различные проявления (*No es un hombre dado a sentimentalismos* 'Это человек, не склонный к проявлениям сентиментальности' (букв. *'... к сентиментальностям'); *las atrevidas geometrías de la ciudad* 'смелые геометрические формы (букв. ?'смелые геометрии') города'; *Esas formas representan sólo nuestras imaginaciones* 'Эти формы являются лишь плодами нашего воображения' (букв. *'... лишь нашими воображениями'));

6) экспрессивность (*¡Qué grande estás! ¡Y con barbas!* 'Какой ты большой! И с бородой!' (букв. *'с бородами'); *arrastrar por los suelos* 'тащить по земле' (букв. *'по землям'); *Yo me llevo esos dineros* 'Я беру эти деньги' [в испанском языке существительное *dinero* 'деньги' обычно выступает в ед. числе]; *Si hablas mal de nuestra iglesia, no haremos las paces* 'Если ты будешь плохо говорить о нашей церкви, то мы поссоримся' (букв. 'мы не сделаем согласий'); *las Españas* 'Испания', *los Madriles* 'Мадрид', *las Américas* 'Америка' и др. [ср. русск. *разъезжать по Европам*]).

Случаи типа франц. *les sottises* ‘глупости’, которые иногда приводят в качестве примера мн. числа со значением ‘различные проявления’, не могут интерпретироваться таким образом, поскольку они существенно отличны от случая 5) в испанском: во французском языке имеется лексема *une SOTTISE* ‘глупость, глупый поступок’, по отношению к которой *des sottises* — мн. число, принадлежащее к регулярному типу (‘множественность’); в испанском же **una geometría* в смысле ‘одна геометрическая форма’ грамматически недопустимо. Таким образом, именно мн. число ответственно в испанском языке за дополнительную семантику ‘проявлений’, что и создает отличие от французского языка.

Что касается дистрибутивных контекстов, то в испанском языке, в отличие от французского, мн. число в некоторых случаях возможно (хотя и не всегда; мы сейчас не будем уточнять условия его употребления). Ср.: *Todos tomaron su sombrero/su abrigo* или же ... *sus sombreros/sus abrigos* ‘Все взяли свои шляпы/свои пальто [ед. или мн.]’, но *Los niños levantaron la cabeza* (**las cabezas*) ‘Дети подняли головы’ или *Dos hombres se tenían de frente, pistola en mano* (**pistolas en manos*) ‘Двое мужчин стояли лицом к лицу, с пистолетами в руках’. Ср. также следующую фразу Сартра («*Les jeux sont faits*») и ее испанский перевод:

- (1) а. фр. *Tous les trois ont la main droite dans la poche de leur veston* ‘У всех троих правая рука в кармане куртки’ [*main* ‘рука’, *poche* ‘карман’ и *veston* ‘куртка’ — в единственном числе]
vs.
б. исп. *Los tres tienen la mano derecha en el bolsillo de sus chalecos* [*mano* ‘рука’ и *bolsillo* ‘карман’ — в ед. числе, но *chalecos* ‘куртки’ — во множественном].

В татарском языке множественное число — наряду с первыми тремя смыслами, аналогичными французскому и испанскому, а именно:

- 1) множественность;
- 2) несколько сортов или разновидностей;
- 3) большое количество, интенсивность, величественный характер (*karlar* ‘снега’, *aşlıklar* ‘хлебá [= посевы]’), — имеет два дополнительных, весьма специфических смысла, отсутствующие как во французском, так и в испанском:

4) ‘приблизительно’ (*XIX jözney baş+ lar+ inda* ‘приблизительно в начале XIX века’ [*başında*, букв. ‘в его начале’; *başlarında*, букв. ‘в его началах’]; *ijun’ urta+ nda* ‘в середине июня’ vs. *ijun’ urta+ lar+ inda* ‘примерно в середине июня’);

5) 'те, кто связан социальными отношениями с ...' (употребляется обычно с личными именами людей; ср. *Azat* 'Азат' vs. *Azat + lar* 'Азат и его семья (его товарищи, и т. п.)' или *əti* 'папа' vs. *əti + ler* 'папа и его семья (и все, кто живет вместе с ним)').

Замечание. Последний тип мн. числа имеет в татарском языке акцентную особенность: если обычно татарское ударение падает на последний слог словоформы, то в данных формах мн. числа ударение остается на основе, что нехарактерно для других форм мн. числа. Таким образом, возможны следующие противопоставления:

'Азат и его семья' = *Azátlar* [косвенные падежи: *Azátlargá, Azátlarnı, ...*]
vs.

'несколько Азатов' = *Azatlár* [косвенные падежи: *Azatlargá, Azatlarnı, ...*].

В связи с этим возможна трактовка данного элемента как дериватемы со значением '... и его близкие', а не как грамлемы мн. числа.

В дистрибутивных контекстах в татарском языке, в отличие как от французского языка, так и от испанского, допустимо только мн. число, ср.: *Balalar başların (*başın) kütərdələr*, букв. 'Дети свои-головы подняли'; *Alar eşləpələren (*eşləpən) aldılar*, букв. 'Они свои-шляпы взяли' и т. п.

Интересно отметить, что в татарском языке отсутствуют *pluralia tantum*, которые в изобилии встречаются во французском и в испанском: слова типа фр. *ciseaux*, исп. *tijeras* 'ножницы'; фр. *lunettes*, исп. *gafas* 'очки'; фр. *vacances*, исп. *vacaciones* 'каникулы' татарскому языку полностью чужды, ср. ед.ч. *kajči* 'одна пара ножниц' ~ мн.ч. *kajçılar* 'несколько пар ножниц', ед.ч. *küzlek* 'одна пара очков' ~ мн.ч. *küzleklər* 'несколько пар очков', ед.ч. *kanikül* 'один каникулярный период' ~ мн.ч. *kanikular* 'несколько каникулярных периодов'.

Если теперь сравнить множественное число в этих трех языках с множественным числом в языке хопи, то мы увидим гораздо больше существенных различий. Прежде всего, и во французском, и в испанском, и в татарском мн. число противопоставляется только единственному, тогда как в хопи, наряду с единственным числом, существует еще двойственное ('два [объекта]') и паукальное ('несколько', 'немного'). В силу этого мн. число в хопи имеет значение 'гораздо больше двух'. Кроме того, мн. число в хопи допустимо только для тех элементов, которые могут быть одновременно собраны в одном месте; так, невозможно мн. число от слова 'день', поскольку не бывает более одного дня одновременно. (Для обозначения же периода из *n* дней в хопи используется название *n*-го дня: чтобы выразить смысл 'он провел у нас пять дней', говорят 'он оставался у нас до пятого дня'.) Следовательно, смысл мн. числа в хопи должен быть представлен как 'гораздо больше двух *n*, сосредоточенных или могущих быть сосредоточенными в одном месте'! ¹

Тем не менее, несмотря на все существующие различия, мы используем ярлык ‘множественное число’ для всех четырех упомянутых языков (равно как и для многих других), опираясь на наличие общего семантического элемента: ‘более одного’. Как можно заметить, мы сознательно упрощаем исследуемые грамматические значения, отсекая все присущие им «национальные» особенности и оставляя только более или менее универсальное ядро. Действовать иначе невозможно, если мы хотим иметь дело с теоретическим описанием морфологии, рассчитанным на универсальное применение. (В описаниях конкретных языков вся дополнительная семантика соответствующих грамматических значений должна быть, разумеется, представлена полностью.)

Таким образом, в Части второй в действительности описываются не конкретные грамматические значения конкретных языков, а их идеализированные и упрощенные образы, которые мы рассматриваем как

ЛОГИЧЕСКИЕ, ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНЫЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ЗНАЧЕНИЯ.

Разумеется, это несколько не препятствует тому, чтобы иллюстрировать наши теоретические рассуждения фактами конкретных языков. Читатель, однако, не должен забывать, что приводимые нами примеры грамматических значений следует воспринимать *cum grano salis*, поскольку реальные грамматические значения не всегда точно соответствуют тем идеализированным прототипам, которые используются в наших теоретических исчислениях.

3. Гетерогенность грамматических значений

Очень часто конкретное грамматическое значение ‘ σ ’ языка \mathcal{L} содержит два (или более) достаточно разнородных семантических элемента, относящихся к различным ЛОГИЧЕСКИМ категориям. Например, французский имперфект соединяет в себе по крайней мере два значения: ‘прошедшее время’, относящееся к логической категории глагольного времени, и ‘незавершенность’, относящуюся к логической категории аспекта (или перфективности). Об этом свидетельствует то, что форма имперфекта может участвовать в оппозициях двух типов: с одной стороны, на временной оси она противопоставлена презенсу, ср.: *Je recevais trois lettres [par jour]* ‘Я получал [по] три письма [в день]’ ~ *Je reçois trois lettres [par jour]* ‘Я получаю [по] три письма [в день]’, а с другой стороны, на аспектуальной оси она противопоставлена

passé composé или *passé simple*, ср.: *Je recevais trois lettres* 'Я получал три письма' ~ *J'ai reçu (Je reçus) trois lettres* 'Я получил три письма'.

Важно подчеркнуть, что грамматические (точнее говоря, словоизменительные) категории, о которых идет речь в этой части, представляются как логические, или универсальные категории (ср. выше). Мы ни в коем случае не хотим сказать, что во французском языке имеется грамматическая категория аспекта: это вовсе не так. Категория времени, существующая во французском языке, не тождественна логической (универсальной) категории глагольного времени, упомянутой выше: французская категория времени является «смешанной», она содержит, наряду с временными семами, элементы аспектуального характера. Таким образом, для исследования конкретных грамматических значений нам необходимо построить систему идеальных категорий, которые будут включать только «очищенные», «дистиллированные» значения, т. е. те значения, которые мы называем универсальными. Описание же грамматической системы конкретного языка необходимо всякий раз производить путем сравнения с идеальной системой.

В качестве еще одного примера рассмотрим форму так называемого прогрессива в английском языке, типа *He was smoking* 'Он курил (был занят курением)'. Эта форма также выражает две семы, принадлежащие к двум различным логическим категориям: сему 'актуально', относящуюся к категории, которую можно условно назвать 'прогрессивность' (ср. наш *аспект IV*, § 3, 6.2, с. 103) и сему 'незавершенность', относящуюся к категории аспекта (= *аспект V*, там же, с. 106). Выражение *He was smoking [a cigar]* 'Он курил [сигару]' противопоставляется, с одной стороны, выражению *He smoked* 'Он курил' = 'Он был курильщиком' и, с другой стороны, выражению *He smoked [a cigar]* 'Он выкурил [сигару]'. (Как можно заметить, прошедшее время в английском языке также соответствует по крайней мере двум различным смыслам.) Наличие двух указанных сем в английском прогрессиве объясняет то, почему он не может быть образован от некоторых глаголов, например, от глаголов, обозначающих восприятие, эмоции и др.: их смысл не сочетается с семой 'актуально' = 'находясь в процессе развития в некоторый точно определенный момент'. Так, англ. **I am loving her* 'Я занят тем, что ее люблю' невозможно, поскольку глагол (*to*) *love* 'любить' не обозначает события, которое может иметь место или быть в процессе развития в какой-то определенный момент: смысл *'Я люблю ее сегодня в три часа дня' абсурден (но можно сказать: *I am making love to her* 'Я с ней [сейчас] занимаюсь любовью'). Точно так же, недопустимо **I am seeing her* 'Я занят тем, что ее вижу' (недопустимо именно в этом смысле! В смысле 'Я встречался и продолжаю с ней встречаться' эта фраза вполне нормальна): хотя семантика глагола (*to*) *see* 'видеть' сочетается со смыслом 'актуально',

тем не менее 'видеть' не может быть 'завершенным' или 'незавершенным', так как не принадлежит к предельным (*télique*) событиям (= действиям или процессам), а является непредельным состоянием. Для 'любить' последнее утверждение тоже верно — это непредельное переживание. (Термины *предельный* ~ *непредельный* будут подробно объяснены ниже, Глава II, § 3, 2.2, с. 84. Мы не будем сейчас также касаться сущности крайне важного семантического различия между событиями и состояниями.)

Подчеркнем, что в отличие от предыдущего подраздела (= подраздела 2), здесь речь идет не о ПОЛИСЕМИИ грамматических значений, т. е. не о существовании у определенного грамматического значения в определенных контекстах нескольких различных взаимоисключающих семантических интерпретаций, или «прочтений», как это имеет место для французского, испанского или татарского множественного числа, рассмотренного в подразделе 2 (с. 8 и сл.). Здесь мы сталкиваемся с ОДНОВРЕМЕННЫМ ПРИСУТСТВИЕМ НЕСКОЛЬКИХ СЕМ в рамках определенного значения в одном и том же контексте, т. е. с комплексным устройством семантической структуры грамматического значения, взятого в единственной интерпретации.

Сочетания различных сем в грамматических значениях не являются целиком произвольными: одни комбинации встречаются в большом количестве языков, тогда как другие, логически вполне возможные, не встречаются практически никогда. Так, время и аспект выражаются слитно очень часто, а время и число субъекта действия — практически никогда. Было бы крайне заманчиво изучить все подобные тенденции, но мы вынуждены оставить эту проблему в стороне. Здесь для нас важно лишь то, что конкретная граммема, квазиграммема или дериватема в том или ином конкретном языке редко представляет чистую логическую категорию. В большинстве случаев реальное грамматическое значение объединяет несколько логических, или абстрактных, категорий, которые мы и попытаемся определить. Ниже будет предложено исчисление «чистых» грамматических значений, организованных в идеальные категории — на основе логико-семантических соображений. В естественных же языках подобные грамматические значения часто образуют синкретически выражаемые комплексы, и, поскольку для наших иллюстраций мы пользуемся материалом конкретных языков, в ряде случаев (в частности, в рассмотренных выше примерах) читатель может усмотреть известное расхождение между семантикой нашего теоретического конструкта и семантикой конкретной грамлемы или дериватемы. Мы заранее предупреждаем его о такой возможности.

2. Типология грамматических значений

Как представляется, для исследования грамматических значений существенны три противопоставления:

- маркированное *vs.* немаркированное;
- полное *vs.* частичное;
- собственное *vs.* смещенное.

Поскольку эти противопоставления релевантны прежде всего для словоизменяемых значений, их роль заметнее всего в Главах II и III (см. ниже). При этом, однако, данные противопоставления различаются по своей значимости: противопоставление маркированных и немаркированных грамматических значений пронизывает все морфологические системы и присутствует практически во всех словоизменяемых категориях; грамматические значения частичного характера встречаются достаточно редко — большинство являются полными; наконец, смещенные грамматические значения представляют собой скорее исключение, чем правило. Более того, противопоставление «маркированное/немаркированное» релевантно для всех сфер языка — для фонологии не меньше, чем для грамматики или лексики, тогда как два других противопоставления относятся только к грамматическим значениям.

2.1. Маркированные/немаркированные значения. В общем случае, пусть дана пара противопоставленных друг другу элементов (как всегда, в языке \mathcal{L}):

$$X \sim Y$$

Элемент Y называется *маркированным* по отношению к X , если Y может быть представлен как X «плюс еще что-нибудь»: $Y = X \oplus a$. Элемент X , таким образом, является *немаркированным*; элемент a называется *признаком* (*marque*) или, чаще, *маркером* (*marqueur*). Оппозиция между маркированным и немаркированным элементом называется *противной*.

Замечания

1. Понятие маркированного элемента легко обобщить для оппозиции нескольких элементов $X \sim Y_1 \sim Y_2 \sim \dots \sim Y_n$: если всякий Y_i может быть представлен как X «плюс еще что-то» так, что при этом выполняются соотношения:

$$Y_1 = X \oplus a, Y_2 = X \oplus b \text{ и т. д.,}$$

то Y_i будет маркирован по отношению к X .

2. Строго говоря, элемент Y всегда является маркированным не сам по себе, а по отношению к некоторому другому немаркированному элементу X